

**Печется (всперыве)
Я знаю, что умру,
но страха нет,
Лишь сожаленье-
мало сделал в жизни.
Сто тысяч дум во мне,
ведь я поэт,
И пусть стихи живут
и правят тризну.**

Касым АМАНЖОЛОВ.

ВСЕ ДЕРЕВЬЯ оделись в зеленый наряд. Перелетные птицы вернулись и заливаются самозабвенно от счастья, что дома, на своих родных ветвях, в своих родных гнездах. Все радуется глаз — и душу невольно — и стройный ряд тополей, и тенистые островки сосен, и тонкоствольный тальник, и вздыбленные пучки карагача. Зазеленевшие вновь деревья и кусты, вернувшиеся в отчий край птицы особенно подчеркивают красоту залитого солнцем города у подножья Алатау, расцветающего всеми красками приближающегося лета — щедрого, буйного. Нежно раскрыли лепестки бутоны цветов, усыпавшие аллеи и площади. Журча деловито и звонко, сбегает с гор вода, отдавая ледниковую стын жарким улицам, и мчится через весь город по каналам и арыкам вдаль, вея прохладой, рассекая на бегу сады и скверы. Острые пики скал Алатау, как ножом, разрезают налетающие на них серые облака, и они, разделенные на части, тают или уплывают восвояси. Мать-земля распростерлась довольная и счастливая, добрая ко всему, что пробуждается в ней и пробивается к свету. Все так стремительно тянется вверх, к солнцу, так бурно растет, что земля, будь она живая, испытала бы ощущение взлета. А солнце сверху смотрит тепло и словно подбадривает—поддразнивает; ну-ну, давай, воспарь. Теплые влажные струи текут вверх, собираются в тучи и проливаются на землю дождем, вновь заряжающим ее исполинской силой и тягой к солнцу.

«Ты прекрасна, моя Алма-Ата!» — Касым восторженным взором, полным любви после долгой разлуки, окинул город, который всегда волновал его и очаровывал. Что же было говорить теперь, когда он не видел его столько лет?! «Ты и раньше была прекрасна, моя Алма-Ата, а сегодня расцвела по-особому, похорошела, как никогда! Пусть ни один дурной взгляд не коснется тебя, пусть краса твоя не откроется злему и холодному глазу...». Что думал на самом деле поэт, глядя на расцветающий родной город, нам теперь не узнать. Но он не был бы поэтом, если хотя бы раз не посетили его такие навеянные цветущим городом мысли о красе, которая открывается не всякому, о добре и зле. Будем считать, что именно об этом он сейчас и размышлял, и не заметил, как дошел до здания Союза писателей республики.

хватит, А хочется. Чтобы и после меня стихи рассказывали людям о войне, тем, кто ее никогда и не видел, тем, кто родится сегодня, завтра... Чтобы они и после меня продолжали шагать по моей тропе...

— Ты всегда говорил сильно, Касым, и всегда я верил, что ты говоришь от души, не красуясь. Верю и сейчас. Ты жив, ты вернулся, и это — счастье для нас. А что сердце ото всего не зачерствело и рвется в бой — это твой подвиг, да-да, не возражай, подвиг. А сколько новых поэтов родилось? Их сердца народное горе разбудило, борьба наша с врагом. Крылья у тебя окрепли, могучими стали, взлетай, друг, к облакам, набирай высоту! Чего же еще я могу тебе пожелать, сокол ты

ребил его.

— Чувство — само по себе. У меня другое, более материальное доказательство есть.

— Да?

— До войны, если помнишь, я устроил маленькую вечеринку у себя.

— Как не вспомнить! Я тогда первый раз привел на ваш суд свою Сару.

— А теперь вспомни еще одну подробность: у меня тогда были и Санип-жамал с Анешем.

— Точно.

— Вот! А в последнюю встречу Жамал мне сказала такое, что и до сих пор помню и на фронте не забывал, Анеш ей говорит: «Собирайся, пойдем в гости к Касыму». Она ему отвечает: «Не пойду». — «Почему?» — спрашивает,

частых фронтовых письмах.

— Касым! — горячо выступал Алмагамбет. — Твоя поэма об Абдолле всех нас потрясла. Сколько в ней страсти, чувства, мастерства! У нас нет ни одного человека, который не считал бы ее крупным событием в нашей литературе. Я тебе точно говорю, ты нашу казахскую поэзию двинул на союзный, на мировой уровень!

— Эка хватил, не слишком ли?

— В самый раз, и не прибедряйся.

— Да я не про то. Просто здесь особый случай. Извержение вулкана. Я когда узнал о гибели Абдоллы, сжался весь до предела, все спеклось во мне, а потом расплавилось и вот — выплеснулось. Такое бывает раз в жизни. Но лучше бы этого не было. Если б можно

Его переводы Байрона на казахский — работа безупречная...

— А как Нурбала! — осторожно поинтересовался Касым, — Я ведь еще нигде толком и не был, ни с кем не виделся, а у вас столько перемен. Как в другую страну приехал,

— Нурбала здесь, в Алма-Ате, лекции читает в педагогическом по литературе.

— Прежде всех хотел бы ее видеть, но боюсь встречи, взгляда ее почему-то боюсь...

— Надломилась она после похоронки на Абдоллу. Чуть не умерла от горя. Мать боялась за ее рассудок, пришлось и к врачам обращаться.

— Думаю, Нурбала теперь на всю жизнь останется одна, замуж не пойдет.

— Почему? Она же еще молодая, оттаит, детей наплодит и счастлива будет. И никто ее ни в чем не упрекнет. И Абдолла не упрекнул бы.

— Нет, я слишком хорошо знал обоих, потому так и говорю.

— Может, ты и прав. Я слышал, присватывались к ней. Но пока без успеха.

— И дальше успеха не наметится ни у кого, — Касым остановился. — Слушай, а давай-ка махнем к ней сейчас, безо всякой там подготовки, а?

— Что ж, мы так весь день и ухлопаем на визиты? А ко мне когда же?

— Куда я денусь? Я в твоих руках! — рассмеялся Касым.

— Да уж, не сбежишь,

— Вот и пошли к Нурбале. Ненадолго. А от нее — прямо к тебе, пить чай твоей любимой Сары. Долг перед Абдоллой важнее всего. Не будем обижать дух нашего друга. Коли Нурбала его не забыла, то и нам не след. Пошли.

— Сдаюсь! — Алмагамбет поднял руки. — Раз речь идет об Абдолле — возражений нет. Только надо будет и обычной соблюсти.

— В каком смысле? — Касым не понял, о чем это он.

— Надо выразить соболезнование как полагаются.

— Но она ведь не жена ему была... Хотя, правильно, обязательно надо. Ты знаешь, Абдолла как-то посекретничал со мной. Еще в Уральске, после свадьбы Жаркына и Алтынай, гуляя они до рассвета с Нурбалой и на берегу Урала объяснились и поклялись в вечной любви. Он потом сюда уехал учиться, остался здесь работать, а Нурбала все ждала его.

— И ждала, как верная жена, — добавил Алмагамбет.

— Вот и выразим ей соболезнование как жене.

Когда они вошли в каморку, где ютилась одинокая Нурбала, она сидела на диване, поджав ноги и закутавшись в платок, читала какую-то книгу. Увидела друзей, вскочила и замерла, опустив руки. Книгу положила на стол.

К 80-ЛЕТИЮ КАСЫМА АМАНЖОЛОВА

САБИТ ДОСАНОВ

РАССКАЗ

мой?!

— Это мечта моя, Алмагамбет, и клич мой боевой.

— Так в чем же дело? Давай! А я за тобой рвану, глядишь, потянусь, потянусь и не отстану, а? — И они рассмеялись. — А что это мы тут стоим, высоким штилем изъясняемся? Пошли, товарищей порадуем появлением твоей незабвенной персоны! А потом — ко мне, договорились?

— С удовольствием, — улыбнулся Касым. — Поклонюсь твоей жене, справлюсь о здоровье, а потом напьюсь чаю, она у тебя волшебный чай готовила когда-то, — он сделал паузу, — до войны.

— Видел бы ты, как она переживала, когда от тебя долго не было писем. Однажды застаю ее за каким бы ты думал занятием? На камушках ворочит... «Ты что это», — говорю. — «Так, — отвечает — Касыма вспомнила, давно что-то не пишет», — «Ты же современная поэтесса, — упрекаю, — И веришь в эту чепуху?». — «Не в чепуху, а в

— «Касым меня преследует, — вот что она ему выложила. — Как встретится, все про свою любовь твердит». И знаешь, что он ей ответил? «Не обижайся на Касыма, ведь он поэт!». Как она мне это сказала, я неловкость какую-то ощутил, вину перед Анешем, будто я обокрасть хочу честного человека или что-то нехорошее в тайне от него замыслил. Как он сразу этим позицией мои разрушил, а свои укрепил. И стал я к нему относиться после этого случая с особой теплотой. А теперь его нет, все в прошлое кануло. Я рвусь к Сакипжамалу, но что-то удерживает меня, вину какую-то испытываю почему-то. А так хочется увидеть ее. Может, вместе зайдем, а? — Касым робко посмотрел на друга. — Поздороваюсь, выражу соболезнование... — В голосе Касыма послышалась неуверенность.

— Конечно, чего ты смущаешься, обязательно надо навестить ее.

С Сакипжамалом они столкнулись в дверях ее дома — собиралась уходить.

было обменять и поэму и славу за нее на живого друга, если бы! Встань он рядом живой, и не надо мне никакой поэмы.

— Ну о чем ты, Касым, конечно. Но поэма есть, она живет своей жизнью, продолжая и жизнь Абдоллы. Читатель принял ее великолепно. Она у всех на устах, как и твои фронтовые стихи — и «Письмо Родине», и «Урал», «Габдолла», «Капану», «Каргаш» и многие другие. Где не выступаешь, обязательно спросят: «А вы знаете стихи Аманжолова? Почитайте, пожалуйста». Я, между прочим, их уже наизусть выдаю. А статья о тебе «Теплое дыхание с фронта»?

— Читал. Ты забыл разве, что выслал мне ее тогда. И Габдолла прислал, и Капан.

— Между прочим, республиканская газета через год снова опубликовала твою поэму об Абдолле.

— Да? — удивился Касым. — И никто из вас не сообщил мне об этом? Хороши друзья!

ЕРВЫМ, кого увидел Касым, был П Алмагамбет, один из старых, довоенных его друзей-поэтов. Широкоплечий, носатый, деловой, он спешил к выходу и вдруг, увидев Касыма, замер на ходу, как в стенку врезался. Мгновение он стоял, вытаращив глаза, потом раскинул руки и птицей налетел на Касыма, а тот тоже кинулся к нему.

- Ой-бой! Касым! Дорогой мой, вернулся!

— Ау. Алмагамбет, физкульт-привет! Не видевшие друг друга столько лет, они обнялись с неподдельной радостью, без тени притворства. А потом засыпали один другого вопросами о здоровье близких, о новостях

— Вот и все, войне конец! И слава богу, встретились! — улыбка не сходила с лица Касыма. — Теперь у меня одна мечта: умереть возле вас.

— Ты что, джигит, уже и помирать собрался? Погоди, мы еще попрыгаем! Кстати, прыгун, как нога? — забеспокоился Алмагамбет, который знал о ранении Касыма из фронтовых писем, да и видел, как тот пошел к нему навстречу, прихрамывая.

— А что нога? Для поэта главное — сердце, а оно у меня в порядке. Уцелело оно, с трудом, но уцелело, сбежал я его, не дал задохнуться от пороховой гари, от дыма разрывов, не дал сгореть в огне пожара. — Касым, пытаюсь не сбавлять веселый тон, произнес это чуточку иронически, а потом сказал серьезно: — Но повидало мое сердце такого, сколько пережило, что, дружище, наверное, жизни не хватит, чтобы обо всем написать... Нет, не

сердце свое. А оно угадывает точно», — вот как ответила.

Пока они обошли все рабочие комнаты союза и вышли на улицу, был уже полдень. Касым повернулся к зданию писательского дома, оглядел его еще раз, вздохнул.

— На фронте часто снился мне этот фасад. И кое-кто из тех, кто за ним трудился.

— Ну, я думаю, — улыбнулся Алмагамбет, — по Сакипжамал ты все-таки соскучился сильнее, а? Или нет?

— Оу, Алеке, лучше не спрашивай. Дня не проходило, чтобы я не думал о ней, не продолжал свои с ней беседы...

— Ты виделся с ней?

— Нет еще.

— Армен ее погуб, знаешь?

— Да. Потому и не иду к ней. Вдруг решит, что... Ну, ты понимаешь?

— Конечно. Но все-таки, она давно вдовеет. Погоди, дай вспомнить, годовщину его гибели мы отметили, когда ты прислал весточку из госпиталя. Значит, три года уже...

— Мало он повеяло. Мягкий человек был. А для боя джигиты жесткие нужны, решительные. А человек он был все-таки неплохой, открытой души. Хоть и ревновал меня, конечно, как и я его. Но мы ни разу при встрече не поссорились. Здорovaliсь чистосердечно. Он сумел все-таки понять меня.

— Почему ты решил, что это так?

— Мое сердце — рентген, все точно показывает, И я, скажу тебе честно, Алмагамбет, всегда ему доверяю.

— Ну, это для стихов только... — начал было Алмагамбет, но Касым пе-

За руку она держала четырехлетнюю девочку — точь-в-точь мама. Зашли в дом, сели, помолчали. Девочка, прижавшись к матери, исподлобья посматривала на гостей.

— Иди ко мне, — позвал ее Касым. Она вдруг смело и спокойно подошла к Касыму вплотную, глянула ему в глаза. — Как тебя зовут? — спросил он.

— Жанар, — она вдруг улыбнулась и спросила: — А ты мой папа?

Сакипжамал вспыхнула, а потом залилась слезами. Касым обнял девочку, шепнул ей на ушко: «Если хочешь, я стану твоим папой». «Хочу!» — жарко выдохнула она ему в щеку...

Ж АНАР родилась через несколько месяцев после ухода Анеша на фронт, и он так и не узнал, кого же подарила ему жена: сына или дочь.

Они посидели, помолчали. Касым, не отрываясь, смотрел на Сакипжамал, и сердце его сжималось от неостывшей любви и боли: она выглядела изможденной, годы никого не красят, тем более военные годы. Перед ним сидела вдова. Все осталось от бывшей красы, только кое-где оставило время на этой красе черточки тонких морщинок, обтянуло скулы, обескровило лицо, приутило взгляд. Он всматривался в дорогие черты, узнавал и не узнавал любимую свою.

Они брели по улицам и сначала некоторое время молчали, переживая неловкую встречу. Но потом постепенно разговор возобновился. Они беседовали о том, что в течение минувших лет не могло уместиться в скупых и не-

— Ну зачем обижаешься? Первую публикацию тебе выслали, а повтору не придали значения, я, например, и не подумал, что это очень важно — иметь вторую газету с поэмой. Прости, если обидели, честное слово, случайно. А вообще-то, у нас всегда так: если хвалят, не имей и трети того, чем наградила природа Нурбалу, единственный штрих могут развить так, что подадут себя красавицей, в крайнем случае — объясни, почему поэму вдруг повторили?

— Почему? Акулов, редактор газеты, на республиканском совещании по поводу этого сказал, что поэма твоя оказалась очень популярной, газету из рук в руки передавали, вырезали поэму и отсылали на фронт бойцам. А потом пошли в редакцию письма с просьбой напечатать еще раз,

— Прости, Алмагамбет, но я счастлив. Такое ведь выпадает, наверное, раз в жизни. — Касым помолчал, потом перевел разговор на воспоминание о друге. — Абдолла... Он был настоящим бойцом, а каким поэтом был! Я шутя называл его казахским Байроном, да, кажется, недалеко был от истины. Черт возьми, ну почему же у добрых и талантливых век недолог, а негодяи и пустышки копят небеса до ста лет и ни черта им не делается?!

Целый квартал они прошли молча. Потом заговорил Алмагамбет.

— Да, Абдолла зачитывался Байроном и понимал его, кажется, глубже нас всех. Бывало, в обычной строке такую мысль найдет, что ахнешь и позавидуешь — вот ведь умеет человек видеть!

КАСЫМ с трудом узнал в иссохшей женщине когда-то веселую и прекрасную подругу Абдоллы. Лицо в тонких морщинках — как крыло стрекозы. Что-то оставалось от бывшей красы, которая многих смущала в свое время, но потухший взгляд этой красы не оживлял. Есть женщины, которые, не имея и трети того, чем наградила природа Нурбалу, единственный штрих могут развить так, что подадут себя красавицей, в крайнем случае — объясни, почему поэму вдруг повторили? Только ум не спрячешь — он светился в печальных ее глазах. «И зря, — подумал Касым, — я боялся идти к ней, к этаким умнице. Здесь не нужно искать слов, здесь просто можно обойтись без них».

Не только во взгляде, но и на худом лице молодой женщины проступало особое, глубокое горе.

Касым поздоровался с Нурбалой за руку, сел на тор и выразил, как полагалось, соболезнование. Слезы брызнули из ее глаз, она заговорила хрипело, с дрожью в голосе:

— Так вот и живу, Касым. Не смогла уберечь Абдоллу от беды. Живу теперь мечтой несбыточной. Не помешай нам проклятая война, были бы мы с ним вместе до смертного часа.

— Успокойся, Нурбала, успокойся! Надо держаться. Нельзя так себя изводить, — Касым не знал, как помочь ей.

— Ты терпи, время все лечит, — участливо заметил Алмагамбет.

(Окончание следует).